

На уезд опустилась глубокая ночь. Небо усыпали низкие звезды; набежавшие было тучи скрыли луну, но тут же рассеялись, проливая на землю холодный призрачный свет.

Оставив двоих советников караулить троицу из патрульной службы, Цзян Умянь взял с собой Чжао Чэна и Цзян Цю. Втроем они отправились на ночную вылазку в Шаоюань.

Стояла мертвая тишина. С легким дуновением ветра на крепостную стену взлетел железный крюк-кошка. Цзян Умянь первым бесшумно взобрался наверх. Чем ближе он был к зубцам, тем отчетливее ощущал едкий запах гари.

Мягко спружинив, он спрыгнул на мостовую и, убедившись, что поблизости никого нет, махнул сопровождающим. Мужчины двигались крадучись, проскальзывая сквозь тени, словно бесплотные духи.

Прижавшись к каменной кладке, уездный судья окинул взглядом спящий город. В бледном сиянии луны Шаоюань казался скоплением зловещих темных силуэтов. Серые петляющие ленты указывали на улочки, а сплошное черное месиво вдали некогда именовалось процветающей Улицей Мира — пожарище уничтожило ее дотла.

Чуть поодаль, всего в двух кварталах, плясали багровые отсветы факелов — там находились уездные амбары.

Сопоставив увиденное с картами, Цзян Умянь мысленно скорректировал план застройки города.

Указав на уездную управу в конце главной улицы, он негромко скомандовал спутникам:

— Наш путь лежит в ямынь. Первым делом выясним, не спелись ли мятежники с регистратором и заведующим тюрьмой и архивом. Главное — действовать тихо и не спугнуть их раньше времени. К пятой страже переключимся на амбары. Нужно понять, зачем бунтовщикам зерно: хотят ли они набить брюхо на пару дней или планируют вывезти припасы, чтобы спасти своих поделльников от голода.

Бунтовщики нанесли удар слишком расчетливо. Умянь не без оснований подозревал, что их главной целью с самого начала были именно продовольственные склады Шаоюаня.

С тех пор как основные силы мятежников были разбиты и бежали в море, прошло уже больше двух месяцев. Награбленные в спешке крохи не могли прокормить такую ораву столь долго. Очевидно, обосновавшиеся на островах беглецы проели последние запасы и теперь отчаянно нуждались в поставках с материка.

Амбары Шаоюаня до сих пор стояли нетронутыми. Захватив их, бунтовщики в один миг решили бы проблему с провиантом.

Верность этой догадки подтверждало еще одно немаловажное обстоятельство.

Третью уездную территорию тянулось вдоль побережья, где располагалось несколько удобных пристаней.

Карательные императорские войска не стали высаживаться в этих местах лишь потому, что здешние мелководные гавани не подходили для осадки массивных «сокровищниц» — флагманских кораблей военного флота.

Но то, что мешало тяжелым судам регулярной армии, играло на руку мародерам. Небольшие юркие лодки мятежников могли без труда шнырять туда-сюда, вывозя мешки под покровом ночи — быстро и незаметно.

Все сходилось: эти крысы пришли поживиться государственным зерном.

Логичнее всего было бы сперва проверить пристани, но до них было неблизко, а терять драгоценное время и рисковать разоблачением Цзян Умянь не хотел. Пришлось сосредоточиться на уездной управе.

Три тени скользнули в переулок и устремились к ямыню.

Охраны в управе почти не осталось. Ворвавшись в префектуру Нанькан, мятежники предали огню и мечу едва ли не все окрестные земли.

Города, где уцелело хотя бы больше половины жителей, делились на два типа. В одних уездные судьи проявляли трусливую угодливость: открывали ворота, умирляли недовольных горожан и безропотно отдавали молодых парней в ряды бунтовщиков. Вторые же спасались благодаря крепким стенам и отважным гарнизонам — такие твердыни мятежникам были не по зубам, и те предпочитали обходить их стороной.

Предыдущий хозяин Шаоюаня оказался трусом чистейшей пробы. Что касается оборонительных сооружений уезда... назвать их слабыми было бы преувеличением, поскольку их не существовало вовсе.

Как следствие, уезд постигла катастрофа. Половина населения сгинула в огне безжалостной резни. Из выживших еще пятая часть бежала в горы, пополнив ряды разбойников и бродяг. В самом городе уцелело от силы сорок процентов жителей, да и те были сплошь испуганными женщинами и детьми.

Набрать новых служек и стражников в управу не успели: банда мародеров внезапно вернулась и устроила очередной погром. Всех, кто пытался перечить, швырнули в темницу. Сейчас в ямыне хозяйничали предводитель налетчиков, примкнувший к ним местный регистратор да горстка караульных из личной охраны вожака.

Проникнуть внутрь не составило труда. Разделившись во внутреннем дворе, лазутчики разошлись: Цзян Умянь с советником Чжао Чэном отправились выслеживать главаря бунтовщиков, а Цзян Цю двинулся на поиски предателя-регистратора.

В глубине усадьбы, за тускло освещенным окном флигеля, вожак мятежников вполголоса совещался со своим военным советником.

Взбежав по скату крыши, Цзян Умянь затаился у самого конька. Чжао Чэн замер в густой тени галереи внизу. Оба, затаив дыхание, следили за силуэтами, которые отбрасывала свеча на тонкую бумагу оконного переплета.

— Из уездного патруля одного мы прикончили, но четверых упустили, — донесся из комнаты вкрадчивый голос советника мятежников, спланировавшего этот набег. — Город перекрыт уже сутки. Удалось напасть на их след?

Стоявший перед ним воин с мечом на поясе почтительно склонился:

— Господин советник, на рассвете мои люди прочесали окрестности за городской чертой. Обнаружили только их тряпки, но самих клинков при них не было. Поскольку из амбаров приказали срочно направить людей на погрузку зерна, мне пришлось свернуть поиски.

Накануне ночью они вихрем ворвались в город и к рассвету подмяли под себя управу. Утром половина отряда безуспешно ловила беглых патрульных, а остальные грузили мешки на лодки, готовясь к отплытию.

Сидевший за столом главарь хмуро молчал. Наконец он глухо произнес:

— Дело дрянь. Если эти четверо доберутся до префектуры и поднимут тревогу, нам конец. Сюда явится сам Бай Чухань!

Пусть даже главнокомандующий Бай сейчас находился в Цзинхае, часть Водного флота Сунцзян по-прежнему стояла в префектуре Цинчжоу. По воде военные корабли ходят быстро — через трое суток они уже бросят якоря у причалов Шаоюаня.

Промедление для мятежников было равносильно самоубийству. Окруженные в городе, они станут легкой добычей.

Он поднял взгляд на советника. В желтом пламени свечи его глаза блеснули зловещей решимостью:

— Сегодня же до отказа забиваем трюмы и отчаливаем! Склады предать огню. Живых в управе не оставлять — никто не должен заговорить, когда сюда явится этот мясник!

Имя Бая Чуханя внушало им суеверный ужас.

Пятнадцатилетним юнцом он совершил дерзкий рейд вглубь бескрайней пустыни, под покровом темноты ворвался в ставку степного владыки и прямо на глазах у сотни отборных нукеров одним ударом копья снес голову самому кагану. Прославленный герой северных походов, грозный каратель бунтовщиков — шутить с ним не стоило.

Воин поклонился и поспешно вышел. Главарь мятежников опустил руки в широкие рукава, пытаясь скрыть мелкую дрожь в пальцах. Тяжелый вздох сорвался с его губ — страх перед неминуемой расплатой сковывал волю.

Советник прищурился. Глядя на поникшие плечи своего предводителя, он заговорил тихим, вкрадчивым тоном:

— Господин мой, если мы снимемся с якоря сейчас, то увезем едва ли половину зерна. Когда мы прибудем на острова, столь скромные запасы не позволят нам диктовать свои условия остальным вождям.

Тот с горечью огрызнулся:

— Чухань безжалостен, как голодный волк, он никого не берет в плен. Если мы замешкаемся, от наших десяти кораблей к моменту высадки на острова не останется и половины!

«Половина запасов? — мысленно зафиксировал Цзян Умянь. — Значит, моя догадка верна: их интересует исключительно хлеб».

Судя по их упадническим речам, внутри разбойничьего лагеря зрел раскол. Бежать сломя голову от карательных войск и одновременно плести козни против своих же поделщиков — поистине глупее не придумаешь. Сами роют себе могилу.

Устроившийся на крыше судья скользнул взглядом вниз. Заметив его знак, Чжао Чэн бесшумно поднял руку и показал три пальца.

Половиной сознания Цзян Умянь продолжал впитывать откровения заговорщиков, а свободной рукой уже подавал Чжао Чэну условный знак уходить. Сам он мягким скользящим движением перебрался на противоположный скат крыши, скрываясь из виду.

Со двора слышался спешный шаг.

Недавно ушедший мечник возвращался, ведя за собой еще нескольких бойцов. Они мчались во весь опор, едва не сбивая дыхание.

Не утруждая себя стуком, вожак ворвался внутрь. Дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену, и этот резкий звук далеко разнесся в ночной тишине, напугав дремавшую на дереве сову. Она тревожно ухнула и взмыла в небо.

Раздраженный вожак набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться бранью, но подчиненный опередил его, выпалив на одном дыхании:

— Господин! На наши суда у пристани совершено нападение!

— Что?! — хором вскрикнули в комнате.

Цзян Умянь на крыше хищно прищурился.

«Какая удача!»

Если на пристани завязался бой, значит, основные силы мятежников стянуты туда или к амбарам. Охрана ямыня сейчас слаба как никогда — лучшего момента для захвата верхушки бунтовщиков и представить нельзя.

Наметив точку приземления, судья бесшумно соскользнул на землю и коротким жестом приказал Чжао Чэну держать под прицелом окна.

Две тени бесшумно рассредоточились у входа. Сквозь щели в дверном проеме доносился панический голос советника:

— Это Бай Чухань?! Он вернулся?! Сколько лодок уцелело?!

— Нет, передовой отряд возглавляет Правый генерал Сюэ Вэнь! Суда с зерном почти все пущены на дно!

На оконную бумагу легла резкая тень поднятой руки — вожак требовал тишины.

— Забудь про корабли, — отрезал предводитель мародеров. — Отправь часть людей устроить переполох, пусть имитируют паническое бегство. Чжан Ин! Немедленно подожги амбары, не оставляй им ни зернышка! Сколько у нас осталось запасов парафина?..

Бум!

Цзян Умянь с размаху вышиб дверь и молниеносным выпадом обрушил тяжелый клинок на запястье Чжан Ина.

Обезвредить единственного опасного бойца, а затем скрутить двух тыловых крыс — дело нескольких секунд.

Почувствовав ледяное дыхание смерти, Чжан Ин инстинктивно отпрянул. Закаленная в боях реакция спасла ему жизнь: он кувырком ушел в сторону, и лезвие лишь со свистом рассекло воздух в волоске от его плоти.

Не теряя инерции, Цзян Умянь перенаправил удар на стоявшего рядом стражника, начисто срубая тому плечо. Резко развернув корпус, он взмахнул двуручным модао. Тяжелая сталь скользнула по ножнам противника с пронзительным, скрежещущим визгом, заставив ошеломленных заговорщиков опомниться.

Чжан Ин рванул меч из ножен, принимая следующий удар на жесткий блок. От столкновения клинков его руку до самого плеча пронзила немеющая судорога — рукоять едва не выскользнула из ослабевших пальцев.

Мятежник сразу понял, что столкнулся с превосходящим противником. Но нападавший был один, а во дворе управы все еще дежурили караульные!

— Я задержу его! Господин, бегите! — взревел Чжан Ин, бросаясь наперерез Умяню.

Сцепив зубы, он отчаянно пошел в лобовую атаку, стараясь сдержать яростный натиск судьи.

Воспользовавшись тем, что у дверей закипел бой, вожак и его советник на карачках бросились к угловому окну, отчаянно вопя:

— Сюда! Стража! Убийцы!

Свист! Свист!

Две тяжелые стрелы, пущенные из темноты, сорвали с их голов шляпы и с глухим стуком вонзились глубоко в деревянный косяк.

Оба застыли как вкопанные, покрывшись холодным потом. Взглянув в проем, они поняли, что двор находится под прицелом невидимого стрелка. Хода наружу не было.

Вход перекрыт яростной схваткой, окна сторожит снайпер — ловушка захлопнулась. Оставалось лишь в бессилии наблюдать за развязкой.

Но надежды на спасение рухнули окончательно, когда Чжан Ин пропустил сокрушительный удар.

Цзян Умянь дрался расчетливо и страшно. Его модао опускался подобно тяжелому молоту — каждый выпад дышал концентрированной яростью, обрушиваясь на врага шквалом неумолимых ударов.

Схватка завершилась стремительно. Единственный сильный боец рухнул на доски пола, истекая кровью, а деморализованный вожак с советником уже не представляли никакой угрозы.

Перевязав пленников по рукам и ногам, словно речных крабов перед продажей, лазутчики заткнули им рты тряпками, натянули на глаза плотные повязки и растащили по разным углам, лишая всякой возможности скооперироваться для побега.

Помня о третьем участнике вылазки, Цзян Умянь направился к выходу, но у самого порога столкнулся с Цзян Цю. Тот тащил за шиворот взмыленного, растрепанного мужчину средних лет.

Завидев судью, пленник поспешно рухнул на колени и заискивающе сложил ладони в приветствии:

— Ничтожный регистратор уезда Шаоюань, У Шэн, приветствует господина уездного судью!

У Шэн искренне полагал, что в этом году боги от него отвернулись.

Впрочем, «не везет» — это еще слабо сказано. Над его головой, похоже, сгустилась истинная тьма. Ну за какие грехи судьба подсунула ему столь никчемного начальника? Хотя бы бывший судья уже расплатился за свою глупость собственной шкурой.

Предыдущий глава уезда погиб, помощник судьи пал при обороне стен, и все дела управы легли на плечи регистратора да заведующего тюрьмой и архивом. Едва город вздохнул свободнее после ухода первой волны бунтовщиков, оставившей после себя едва ли треть живых обитателей, как уезд накрыло новым набегом.

Просидев под замком двое суток, У Шэн почти не спал.

Да и как тут уснешь, когда при каждом смыкании век перед мысленным взором вставали то полыхающие руины ямыня, то окровавленные призраки казненных соседей, требующие отмщения? За ночь он подскакивал в холодном поту раза четыре, не меньше.

Когда этой ночью его бесцеремонно выволокли из постели, он решил, что пробил его час и пора отправляться к праотцам вслед за загубленной родней.

Но похититель оказался советником нового, присланного столицей судьи!

«Святая Матушка... — пронеслось в голове перепуганного чиновника. — Да этот новый господин уездный судья, кажись, прорубал себе дорогу мечом».

И когда У Шэн впервые увидел Цзян Умяня, его подозрения мгновенно окрепли.

Молодой мужчина стоял на обломках выбитых дверей. Лик его тонул в колеблющемся полумраке, а глаза, в которых отражался холодный лунный свет, походили на два острых лезвия, способных насквозь пронзить человеческую душу.

Рядом высился силуэт стрелка — рассмотреть его лица регистратор не успел, но тяжелый боевой лук в его руках внушал уважение.

Вспомнив хладнокровие, с которым советник Цзян Цю только что прикончил часового во дворе, У Шэн сделал логичный вывод: ума нового начальника он еще не оценил, но вот убивать этот человек умел виртуозно.

Цзян Умянь не стал тратить время на пустые церемонии:

— Разговоры потом, господин регистратор. На уездных складах сейчас хозяйничают мародеры. Я оставляю управу и этих троих пленных на вас с советником Цзян Цю. Головой отвечаете за то, чтобы они дожили до допроса. Чжао Чэн! Твоя задача — открыть городские ворота и впустить передовые отряды. Доложишь им обстановку. Сам я выдвигаюсь к амбарам. Нельзя позволить этим псам пустить поджог. Если они доберутся до запасов парафина, мы лишимся всего зерна.

У Шэн хотел было кивнуть, но при слове «парафин» его лицо исказилось от ужаса:

— Парафин?! — выдохнул он. — Тот самый кошмарный состав, которым они выжгли Улицу Мира?! Боги, они хотят пустить его в ход против амбаров?!

Страх заставил его собраться с силами. Вытерев обильный пот со лба, он решительно сжал кулаки:

— Не беспокойтесь, господин судья! Мы с советником Цзян Цю костями ляжем, но пленных сбережем!

Но едва он умолк, как ночную мглу в паре кварталов от них прорезала ослепительная вспышка. Пламя взметнулось к самым небесам, окрасив тучи в зловещий багровый цвет, а порыв ветра принес густой, удушливый чад.

Чиновник застыл с открытым ртом, глядя на полыхающее зарево. Слова застряли у него в горле.

Амбары... Амбары горели!

Со стороны улицы послышался нарастающий гул голосов. Судя по нестройным крикам, это была не регулярная армия, а спешащие на выручку своим вожакам бунтовщики.

Секунды таяли на глазах.

Лицо Цзян Умяня окаменело. Ворвавшись обратно в комнату, он сгреб главаря и советника за шиворот, словно забойных свиней, и скомандовал:

— Забираем их и уходим! Быстрее!

Поджигатели у амбаров выполнили свою грязную работу и теперь спешили к ямыню, чтобы получить новые распоряжения от руководства. Упускать такую ценную добычу судья не собирался.

Главные ворота были перекрыты, у черного хода их наверняка поджидала засада. Требовался иной путь.

Умянь резко повернулся к регистратору:

— Господин регистратор! Где здесь еще можно выбраться?!

Цзян Цю взвалил на плечо третьего пленника. Чжао Чэн с заряженным самострелом в руках прикрывал отход. Все взгляды скрестились на У Шэне.

— Да-да, парадные ворота отсечены... Другой выход, другой выход... — лихорадочно зашептал регистратор. Страх вытеснил лишние мысли, заставив разум работать на пределе возможностей. — Темница! Из нашего подземелья есть подземный ход, ведущий за пределы усадьбы!

Казематы Шаоюаня перестраивали в прошлом году. Строили на совесть: массивные дубовые двери, кованые решетки и засовы из закаленной стали уступали по прочности разве что городским воротам.

Даже если на штурм пойдет десятка два бунтовщиков, им придется изрядно повозиться, прежде чем они выломают засовы. Тяжелых таранов у мародеров отродясь не водилось.

Заперев внешние двери темницы, беглецы получали неприступный бастион. А наличие подземного лаза избавляло их от риска оказаться запертыми в ловушке, словно черепахи в кувшине.

Поняв, что судья намерен укрыться именно там, регистратор в панике вскинул руки:

— Господин судья, постойте! Ключи от тюрьмы у меня отобрали при обыске!

Крики снаружи становились все громче, но у них оставалось еще несколько мгновений. Быстро обыскав тела поверженных врагов, Чжао Чэн нашел нужную связку, а заодно выдернул из стены выпущенные стрелы, заматавая следы присутствия лазутчиков.

Вооружившись ключами, беглецы нырнули под каменные своды уездной тюрьмы.

Стены коридоров были выложены прочным синим кирпичом, скрепленным раствором на основе рисового отвара — такая кладка не уступала по крепости гранитным валунам крепостных стен. Закрепленные в нишах факелы ровно горели, разгоняя могильный мрак и указывая дорогу.

Тяжелый засов с лязгом встал на место, отсекая снаружи и крики преследователей, и едкую гарь пожара. Разумеется, это была лишь временная передышка, но У Шэн все равно облегченно выдохнул, почувствовав себя в относительной безопасности.

Привалившись к холодной каменной стене, он судорожно хватал ртом воздух, силясь унять бешеный стук сердца.

Дрожа всем телом, он двинулся вперед по коридору, негромко поясняя на ходу:

— Лаз находится в камерке смотрителя. Его прорубили на случай бунта, чтобы стража могла запереть решетки снаружи и беспрепятственно уйти. Выход ведет напрямик во двор заброшенной усадьбы к западу от управы.

Вдоль стены тайного прохода висели глиняные плошки с маслом. Чжао Чэн сперва просунул внутрь горящий факел, проверяя воздух, и лишь убедившись, что пламя не гаснет, увлек отряд за собой.

Цзян Умянь, казавшийся со стороны хрупким ученым, шел на удивление твердо, несмотря на то что тащил на себе двух упитанных пленников. Его дыхание даже не сбилось, когда он обратился к регистратору:

— Каковы точные объемы запасов в закромах уезда? И сколько оружия хранится в арсенале?

Управа располагала продовольственными и оружейными складами. Захватив ямынь, бунтовщики наверняка прибрали к рукам все военное имущество, так что их нынешний отряд щеголял в казенных доспехах Шаоюаня.

«Воевать против законного судьи государственным же оружием... — мрачно усмехнулся про себя Умянь. — Когда вышвырну эту шваль из управы, прикажу утопить все эти доспехи в реке, чтобы отмыть от позора».

Словно только этого вопроса и дожидаясь, регистратор торопливо заговорил, выкладывая все начистоту:

— В резервных складах оставалось около трех тысяч даней зерна. А вот арсенал... Оружие там давно пришло в негодность. За последние три года проверку проводили от силы дважды. Большая часть клинков проржавела насквозь — ими только капусту рубить.

Умянь непроизвольно стиснул пальцы, отчего висевшие на его плечах пленники жалобно замычали через кляпы.

Перед отъездом он внимательно изучил налоговые ведомости уезда за прошлые годы. Даже беглого взгляда на цифры хватало, чтобы понять: казна разграблена. Как минимум две трети казенного зерна и серебра испарились в неизвестном направлении.

С одной стороны, за обороноспособность мятежников можно было не переживать — с проржавевшими мечами они много не навоюют. Но с другой стороны, возникал резонный вопрос: куда делись огромные суммы, которые ежегодно выделялись двором на перевооружение гарнизона?

Место его службы оказалось настоящим авгиевым конюшнем, полным гниющих тайн.

— Что до пропавших средств... — У Шэн решил, что терять ему больше нечего, и не собирался выгораживать покойного начальника.

Терпеть нищету и позор уезда из-за чужих грехов он устал. Пришла пора вытряхнуть все грязное белье прежней администрации:

— Этот ничтожный человек за год своего правления урезал жалованье уездным писцам и страже наполовину! Будь его воля, он и своих советников оставил бы без гроша. При обыске арестованных все ценные вещи — золото, серебро, нефрит — изымались. Тюремщикам доставались крохи, а львиная доля оседала в карманах этого ненасытного борова! Позже он спелся с местными семьями Лю и Ши. Они наладили сбыт казенного зерна из резервных амбаров на сторону. Деньги текли рекой. Поняв, что проверки сверху обходят его стороной,

мерзавец окончательно потерял страх... А ведь когда-то, в прежние времена, когда префектура Нанькан вела войну с горными разбойниками и морскими пиратами, именно наш Шаоюань стоял в первых рядах защитников рубежей!

Высказав все, что накопело на душе, У Шэн попытался хоть как-то вернуть былую гордость уезду, но в итоге лишь безнадежно махнул рукой и понуро вздохнул.

Не успел затихнуть его вздох, как сверху донеслась тяжелая, мерная вибрация. Земля под ногами ощутимо вздрогнула.

Сквозь вентиляционные отдушины потянуло свежим сквозняком, принесшим отчетливый гул конских копыт, лязг металла и полные предсмертного ужаса крики.

— Это... это еще что? — регистратор испуганно отпрянул, но пересилив страх, прильнул ухом к шероховатой стене, силясь разобрать звуки боя.

Топот коней, тяжелый бег сотен ног, звон скрестившихся клинков и хриплые стоны сливались в сплошной, жуткий хаос. Самое страшное — в этом грохоте не было слышно привычных команд. Наверху шла беспощадная, безмолвная резня.

Будто призрачное воинство ворвалось в город.

«Неужто духи Фэнду явились по наши души?..»

От этой мысли у У Шэна подкосились колени, и он непременно рухнул бы на грязный пол, если бы Цзян Цю вовремя не подставил под его спину ножны своего меча.

Кое-как удержав равновесие, регистратор выдавил из себя бледную улыбку:

— Премного благодарен... спасли.

Цзян Умянь лишь скептически покачал головой. С такой трусостью — и столько храбрости при разоблачении прежнего начальства?

Чтобы бедолага не испустил дух от разрыва сердца, судья сухо просветил его:

— Те четверо уцелевших патрульных вчера прорвались за пределы уезда, чтобы привести помощь. Так что наверху — наши войска.

Хотя в глубине души Умянь и сам удивлялся столь стремительному появлению спасителей.

Однако эти слова возымели обратный эффект. У Шэн обмяк окончательно, сползая по ножнам советника на землю.

Усевшись прямо в дорожную пыль, он уставился на судью округлившимися от ужаса глазами:

— Г-господин уездный судья... Вы не понимаете! Ближайший патрульный приказ расквартирован в уезде Чэньян! Их люди наведывались к нам месяц назад, да так и сгинули. И если бы патруль действительно прибыл в город, управа бы узнала первой. Но стража у ворот за все эти дни не докладывала ни об одном казенном всаднике! Откуда тогда... откуда взялись те четверо патрульных, что привели погоню?!

<http://bllate.org/book/19045/1900324>